

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.1

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ БАЗИСЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

К. В. Подъячев

Подъячев Кирилл Викторович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Москва, kirvik@bk.ru

В данной статье рассматривается проблема разработки методологии и исследовательского инструментария в социологии и других социальных науках. Опираясь на классификацию методологических парадигм, предложенную Жаном Тошченко, автор показывает, что для изучения социальных реалий современной России большим эвристическим потенциалом обладает конструктивистская парадигма, в которой преодолеваются недостатки, присущие традиционной аналитической модели. Автором сделан вывод о том, что национальная социологическая школа должна избегать крайностей автаркии, но и не брать на вооружение методологические концепты, сформированные на основе анализа других типов обществ, не оценив предварительно их эвристического потенциала.

Ключевые слова: социология, Россия, гуманитарные науки, социальное развитие, социальная теория, гносеология, методологические парадигмы, актор.

**Studying Russian Social Development Peculiarities and Gnoseological Paradigms:
On the Problem of Methodology Basis of Contemporary Sociological Investigations**

K. V. Podyachev

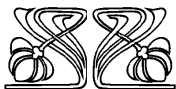
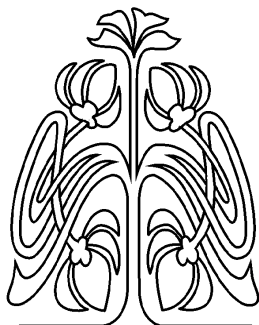
Kirill V. Podyachev, ResearcherID: G-8881-2017, <https://orcid.org/0000-0002-1342-7076>, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, Korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia, kirvik@bk.ru

This article examines the problem of developing methodology and research tools in sociology and other humanities. On the basis of methodological paradigms classification, proposed by Zhan Toschenko, the constructive paradigm possessing a great heuristic potential for studying the social realities of contemporary Russia is presented. Therefore the shortcomings inherent in the traditional analytical model are overcome. In conclusion it is stated that the national sociological school should avoid the extremes of autarky, but at the same time appealing to methodological concepts, based on the analysis of other types of societies without first assessing its heuristic potential should be avoided, as well.

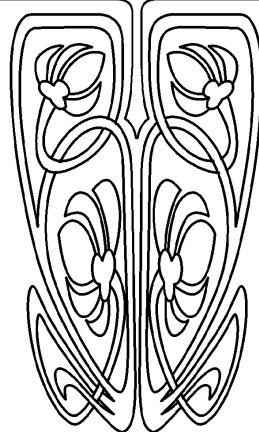
Key words: sociology, Russia, humanities, social development, social theory, gnoseology, methodological paradigms, actor.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>

Череда быстрых, для многих неожиданных изменений, происходящих в мире, политическая, экономическая и социальная турбулентность требуют от социальных наук (а к ним относится не только социология) решения некоторого нового класса задач. В условиях постоянно возникающих кризисных явлений в экономике и политике всё человечество остро нуждается в образах и смыслах, задающих перспективу преодоления кризиса. Но, как можно видеть хотя бы на примерах с победой на выборах в США Д. Трампа или успехом «Брэк-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зита», сегодня прикладная социология с трудом улавливает тренды, меняющие облик мира. А ведь последнее крайне опасно, поскольку грозит крупными ошибками уже при принятии политических решений. Однако, на наш взгляд, ошибки прикладной социологии вызваны вовсе не недостаточным профессионализмом социологов. Проблема гораздо глубже: современная ситуация указывает нам на слабость господствующих в социальных науках методологических концептов и вынуждает задуматься над их переоценкой.

Идея «демократического рая», о которой писали Ф. Фукуяма, Э. Гидденс, Р. Даль и многие другие, себя не оправдала. После 2008 г. стало понятно, что таковой рай невозможен, а если и возможен, то лишь для незначительной части населения планеты. Но задать иную перспективу не получится без осмысления всего пройденного пути, без глубокого анализа протекавших ранее и протекающих сегодня в мире и отдельных странах процессов. Таким образом, сегодня транзитологический вопрос, «как из пункта А прийти в пункт Б» (причём пункты А и Б известны и описаны), перестал быть актуальным, а остроревременными стали вопросы «Где мы?» и «Куда мы идём?». Это относится как к человечеству в целом, так и к отдельным цивилизациям, странам, народам. Громадность этой задачи пугает, парализует волю, но всё же, как представляется, у нас нет иного пути, кроме как взяться за её решение.

Одной из важных составляющих работы по решению указанной задачи является осмысление особенностей социокультурных процессов, протекающих в незападных обществах, к которым далеко не всегда могут быть применены концепты, разработанные в США, Германии и т. п. Не вдаваясь в дискуссию о том, в какой мере Россия является обществом «западным», а в какой нет, отметим всё же, что, по мнению многих представителей не только «почвеннической», но и «западнической» школы, российское общество обладает определённой спецификой.

Так, обстоятельные социологические исследования последних лет отмечают, что даже у представителей российского среднего класса, считавшихся носителями более космополитичного, «постмодерного» сознания, появилось «сознание... неприменимости ряда норм и ценностей западной культуры в российских условиях, неприемлемости стандарта, который... используется странами Запада в оценке России»¹. В значительной степени этому способствовали события на Украине, «русская весна», воссоединение Крыма с РФ и т. п. Но необходимо отметить, что, хотя все эти события и оказали влияние на публичный дискурс, заставив многих задуматься, проблема специфики российской социальной реальности была порождена не ими. Задолго до всех этих событий академик М. К. Горшков отмечал: «...совершенно очевидно, что, по сравнению с большинством других, и прежде всего за-

падных стран, Россия обладает особенностями, существенно затрудняющими анализ, оценку и прогноз направлений происходивших и происходящих в ней... перемен»².

При этом мы наблюдаем поразительное несоответствие вроде бы научно обоснованной модели российского социума и эмпирически выявляемых его проявлений. Если изучать Россию с позиций господствующих концептов, применяя к ней, например, такие конструкты, как «демократия», «модернизация», «правовое государство», то довольно легко получить выводы о том, что страна «отсталая»³, государство в ней «авторитарное», институты «архаичны», население находится «в плену патернализма» и т. п. Например, сравнивая партийные системы РФ и стран Западной Европы, причём принимая последние за эталон, нетрудно получить вывод об «архаичности» отечественной политической системы или даже о том, что российские политические партии вовсе партиями не являются⁴. Таким же образом, применив метод ценностного анализа Ш. Шварца или Р. Инглхарта⁵, можно получить вывод и об «отсталости» массового сознания россиян. Действительно, по шкалам «традиционализм – секулярность» или «выживание – самореализация» россияне показывают результаты, достаточно отличающиеся от данных по США или Скандинавии⁶. А если углубиться в российскую историю и применять тот же исследовательский инструментарий, только уже к историческим данным, можно обосновать и то, что Россия всегда была «исторически неадекватна» (В. П. Булдаков)⁷.

Но оставаясь в рамках применённой исследовательской методологии, абсолютно невозможно объяснить, каким же образом Россия (отсталая, архаичная, «неадекватная») не только смогла появиться, но и сохранить себя на протяжении стольких веков? Об этом не принято задумываться, но ведь историческая Россия – это географический пятючок, территория современных Московской, Владимирской, Ивановской, Ярославской и Костромской областей. На этой территории неблагоприятный климат, нет природных ресурсов, критически неудобна логистика и отсутствуют надёжные естественные границы. Почти 300 лет страна, как принято думать, находилась под «татаро-монгольским игом». И вдруг, как по волшебству, она не только избавилась от «ига», но и довольно быстро овладела территорией своего бывшего «господина». Затем в течение каких-то 150 лет Россия выросла до естественной границы Северной Евразии. При этом, в отличие от западной колонизации, русская не имела прямого экономического смысла, ибо климат Сибири ещё более суров, чем Русского Нечерноземья. На этот парадокс обратил внимание русский мыслитель И. Л. Солоневич⁸. Но этого мало. Страна пережила Смутное время, когда, казалось, она

прекратила существовать как целостность, и на удивление быстро возродилась. Смута завершилась, как принято считать, в 1618 г., уже в 1654 г. был возвращён Смоленск, а в 1709-м произошла Полтавская битва. В 1759 г. русская армия нанесла сокрушительное поражение лучшей армии Европы – прусской, которой командовал Фридрих Великий. Про победу над Наполеоном и Крымскую войну (где Россия потерпела поражение, но такое, что стоило победы), думается, нет необходимости напоминать.

В XX в. Россия, которую после 1917 г. главные геополитические игроки списали со счетов, к середине 1930-х вновь стала мировой державой, хоть и под иным названием, и одержала победу над мощнейшей в истории человечества военной системой, на которую работала экономика всей континентальной Европы.

После Великой Отечественной войны многие в мире думали, что восстановление СССР – дело десятилетий, но промышленность была отстроена на удивление быстро, и уже через 4 года (!) после окончания войны было получено собственное ядерное оружие. Через 12 лет после Победы запущен первый в истории искусственный спутник Земли, а ещё через 4 года гражданин «отсталой и разрушенной» страны первым из людей отправился в космос. А ведь при этом в России ещё была создана великая культура и т. д. и т. п.

И даже новейшая история, где она уже смыкается с сегодняшним днём, подтверждает данное наблюдение. В начале 1990-х весь западный мир был убеждён, что не только с коммунистическим проектом, но и с Россией как геополитическим фактором покончено навсегда. Эта точка зрения была абсолютно преобладающей и в медийном, и в академическом дискурсах. Тем большим было потрясение от демонстративного «возвращения» России в большую геополитическую игру в 2014 г. Как бы это ни показалось странным тем, кто верит в абсолютное интеллектуальное превосходство западной науки, но «Крымская весна» и успешное вмешательство России в сирийскую войну были полностью неожиданными для всего западного мира: и для политиков, и для журналистов, и для исследователей⁹.

И всё это заставляет задаться вопросом: каким же образом это стало возможным и 400 лет назад, и сегодня? Ответ «государство решало все проблемы за счёт народа» никак нельзя признать удовлетворительным, поскольку остаётся непонятным, как же тогда этот народ не вымер, подобно некоторым видам животных, а не только сохранился, но и достиг выдающихся, подчас беспрецедентных успехов (см. выше). Увы, большинство рассмотренных нами работ, при всём высоком профессионализме их авторов, не могут дать этому удовлетворительного объяснения, вполне отвечающего принципу методологической строгости.

А пока такое объяснение – *убедительное, теоретически и эмпирически обоснованное, не получено, говорить о хоть сколько-нибудь успешном развитии социально-гуманитарного знания в стране, на наш взгляд, не приходится.*

Но если уважаемые исследователи, сохраняя методологическую строгость в работе, тем не менее, пришли к выводам, очевидно вступающим в противоречие с реальностью, то говорит это лишь об одном. Это означает слабость и несовершенство методологии, которой мы на сегодня располагаем.

С большим сожалением приходится констатировать, что современная российская социология (равно как и другие социальные науки) недостаточно знает собственную страну. Время, прошедшее со времени отмены идеологического контроля одной партией, было потрачено на то, чтобы вписаться в «актуальный мировой дискурс».

Таким образом, сегодня российское научное сообщество нуждается в создании «инструментария, с помощью которого можно уловить особенные свойства российской традиции и российского модерна»¹⁰. Заинтересована в нём и вся мировая социология, поскольку такой инструментарий обогатит и её методологический арсенал. При этом мы далеки от того, чтобы утверждать, будто он должен быть каким-то «этнически чистым». Напротив, в основу его можно положить вполне европейские по происхождению теоретические конструкты: например, интуитивную философию А. Бергсона, феноменологию Э. Гуссерля и т. д. Достоинство их видится не в «оппозиционности» научному мейнстриму, а в том, что, как представляется, их эвристический потенциал в исследовании *именно российской* социальной реальности более высок.

При этом вряд ли верно то, что «мейнстрим» возник под влиянием неких злонамеренных сил. Все теоретические концепты в социальной мысли возникали по мере развития общества, фиксируя те явления, которые нуждались в осмыслении, отвечая на актуальные запросы людей. Но сегодня в осмыслении нуждаются факты, которые ранее не были заметны или не казались особенно значимыми. В частности, социокультурные особенности незападных обществ. Или, применительно к России, те специфические черты, которые выявляются в российских локальных сообществах в ходе региональных исследований, но с трудом могут быть объяснены в рамках господствующих концептов¹¹.

Всё сказанное выше привело нас к тому, что необходимо вновь обратиться к методологическим проблемам, более того, к базовым основаниям методологии, к «знанию о знании». А здесь весьма популярный сегодня метод построения исследовательской работы с опорой строго на литературу последних трех-пяти лет неприменим. Оценить эвристический потенциал суще-

ствующих теоретических концептов можно лишь с позиций концептов более высокого порядка, сформировавшихся в более ранние исторические периоды. Таким образом, мы считаем необходимым обратиться к самым основам гносеологии и истокам научного осмысления социального мира.

Итак, все концепции познания, все способы постижения мира, известные человечеству, можно свести к двум парадигмам (точнее даже – мета-парадигмам): *аналитической* и *холистической*.

Аналитическая парадигма зародилась в Античности¹². Она основана на предположении, что всё сущее, недоступное для человеческого познания целиком, может быть мысленно расчленено на более простые сущности, которые возможно охватить, осмыслить силами интеллекта.

В противовес ей *холистическая парадигма*, восходящая, скорее всего, к Древнему Востоку¹³, предполагает целостное познание предмета, пусть и не детализированное.

Противостояние их прослеживается во всей известной истории познания и мышления. Если говорить о традиции христианских народов, то здесь столкновение этих парадигм ярко выражено в богословском споре святого Григория Паламы¹⁴ с Варлаамом Калабрийским и его приверженцами 1335–1351 гг.¹⁵

Именно победа аналитической парадигмы в западноевропейской мысли (вероятно, со времени Декарта и Бэкона) и сформировала известную нам классическую науку. По словам И. Р. Пригожина, она «была порождена культурой, пронизанной идеей союза между человеком, находящимся на полпути между божественным и естественным порядком, и Богом, рациональным и понятным Законодателем, суверенным Архитектором, Которого мы постигаем в нашем собственном образе»¹⁶. Конечно, успехи этой науки были грандиозны: все технические достижения, начиная с конца XV в., стали возможны благодаря ей. И современное научное знание есть именно плод *развития аналитической парадигмы познания*.

Но по мере дальнейшего хода истории стало понятно, что даже в естественных науках, под которые она была изначально заточена, эта парадигма имеет свои ограничения. Они обнаружили себя уже в конце XIX в., на что обращали внимание, например, А. Бергсон¹⁷ и П. Тейяр де Шарден¹⁸. А с 1960-х гг. многие исследователи (и именно естественники) стали говорить о пределах научного познания, по крайней мере, в рамках классической (т. е. аналитической) парадигмы¹⁹.

Даже в сфере здравоохранения, несмотря на все успехи классической медицины, также основанной на аналитической парадигме познания, возник интерес к наследию старой, холистической медицины (которую неизвестно почему называют нетрадиционной), смысл которой выражается девизом «лечить не болезнь, а человека». А поскольку народная медицина и в Европе, и в

России была почти полностью вытравлена, то пришлось обращаться к сохранившимся медицинским традициям: аюрведической, китайской и тибетской.

В социально-гуманитарных науках, несмотря на какие контовско-веберианские ухищрения, наподобие «ценностного нейтралитета», невозможно окончательно отделить познающий субъект от познаваемого объекта. По этой причине возможности аналитической парадигмы здесь ещё более ограничены. Так, выдающийся историк и методолог социально-гуманитарного знания М. Блок, анализируя двухсотлетний опыт французской исторической науки и историко-социальной мысли, писал: «Два великих историка (Ж. Мишле и Н.-Д. Фюстель де Куланж. – К. П.) были достаточно великими, чтобы знать: цивилизация, как и индивидуум, ничем не напоминает пасьянса с механически подобранными картами; знание фрагментов, изученных по отдельности один за другим, никогда не приведёт к познанию целого – оно даже не позволит познать самые эти фрагменты»²⁰.

И дальнейшее развитие социальных наук исключительно на основе *аналитической гносеологии* привело к столь большому разнообразию предметных областей и исследовательских методов, что даже в рамках одной отрасли знания разные научные «подразделы» с трудом находят общий язык. Так называемая «кафедральная замкнутость», от которой предостерегал социологов Р. Дарендорф²¹, и «дробление на небольшие теоретические школы, очерняющие друг друга в борьбе за лидерство»²² до сего дня остаются, с нашей точки зрения, главными препятствиями на пути дальнейшего развития и социологии, и других социально-гуманитарных дисциплин. Но ведь они – прямое порождение догматического аналитизма, господствовавшего в социальных науках.

Несомненно, фундаментальная наука как таковая невозможна без анализа, логики, рассуждения – т. е. *аналитической гносеологии*. Но представляется уже совершенно очевидным, что без внедрения некоторых элементов гносеологии *холистической* дальнейшее развитие науки становится весьма проблематичным. Надо заметить, что в этом отношении отечественная социологическая мысль имеет некоторое временное преимущество: об описанной выше проблематике ещё в 1970-х гг., опередив время, писал В. Н. Шубкин²³. На Западе дискуссии на эту тему начались несколько позже, например, цитированные выше работы Р. Дарендорфа и Р. Коллинза написаны в 1988–1990 гг. Но даже в недавнее время, уже после экономического кризиса 2008 г., выступивший с критикой аналитической парадигмы (на сей раз применительно к экономике и геополитике) американский мыслитель Н. Талеб²⁴ был подвергнут многочисленным нападкам. Но, несмотря на бурные дискуссии в мировом научном сообществе, в том числе

и социологическом, до настоящего момента современные исследователи имеют все основания говорить о «серьёзном методологическом кризисе современного социального знания, не способного дезавуировать наиболее яркие и устрашающие эффекты господства режима социальной онтологии Нового времени»²⁵ (каковая и была вызвана к жизни тотальным торжеством аналитической гносеологии).

Переходя с уровня социальной метафизики и гносеологии уже собственно на социологический, задаёмся вопросом: какие же именно теоретические конструкты, какие методологические концепции наиболее адекватны современным остроактуальным проблемам?

Так, один из наиболее авторитетных российских социологов Ж. Тощенко выделяет следующие исследовательские парадигмы в социологии:

- 1) реалистскую, ориентированную на общество как систему;
- 2) номиналистскую, ориентированную на личность в социуме;
- 3) конструктивистскую, ориентированную на познание социальной жизни во всём её многообразии²⁶.

К реалистской парадигме, по его мнению, относятся структурный функционализм Т. Парсонса, теория социальных изменений Р. Мёртона, структурализм М. Фуко и К. Леви-Стросса, стратификационная школа П. А. Сорокина, концепция мир-системы И. Валлерстайна, теория сетей Э. Гидденса и М. Кастельса, космополитическая социология У. Бека и др. К номиналистской парадигме Ж. Тощенко относит бихевиоризм, теорию социального обмена Д. Хоманса и П. Блау, феноменологическую социологию А. Шюца, социологию знания К. Маннгейма, социологию религии П. Бергера, этнометодологию Г. Гарфинкеля и ряд других.

Обе названные парадигмы (соответственно, и все развивавшиеся в их рамках теоретические концепты) имеют и сильные, и слабые стороны. Главной проблемой социологического реализма является, согласно Ж. Тощенко, то, что его «центральное понятие – общество и его производные – социальные структуры, системы, институты – являются важной, но серьёзно ограниченной областью получения социологического знания»²⁷. В свою очередь, социологический номинализм, преодолевая отчуждённость социологии от субъекта, всё же оказался неспособен «дать полную и всестороннюю характеристику социальной реальности в силу ограниченности собственного подхода и понимания предмета социологии»²⁸.

В сущности, названные парадигмы можно охарактеризовать как проявления в социологии философских метапарадигм объективизма и субъективизма. Но обе они остаются по большей части в рамках аналитической гносеологии, о недостаточности которой говорилось выше.

По этой причине приходится обратиться к концептам, принадлежащим третьему парадигмальному (метатеоретическому) направлению в социологии – конструктивистскому. Именно в нём в известной степени удаётся преодолеть дуализм субъекта и объекта, «органически учитывать всё многообразие социальной реальности, социальной жизни людей»²⁹. Надо полагать, что само появление такого направления социологического мышления было связано не только с эвристической недостаточностью двух других парадигм, но, более того, – с недостаточностью *аналитической гносеологии* как таковой. Конструктивистская социология, как указывает Ж. Тощенко, «анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и соответственно жизненный мир во всём их многообразии»³⁰, т. е. преследует вполне *холистическую* цель. При таком подходе преодолевается главный недостаток аналитической гносеологии – её статизм, неспособность уловить динамику развития, когда ход мысли направлен «от одного сочетания вещей к другому, от одновременности к одновременности»³¹. Именно в рамках конструктивистской парадигмы становится социологически операциональным термин «жизненный мир» (*der Lebenswelt*), заимствованный Ю. Хабермасом у Э. Гуссерля³². А мысль последнего всегда стремилась к внесению *холистического* элемента в методологию познания.

Наиболее значимым для российских исследований направлением, по нашему мнению, является *социологический активизм* А. Турэна, который Ж. Тощенко также относит к конструктивистской парадигме³³, и другие близкие концепции, ставящие в центр внимания не просто субъекта (индивида), но субъекта действующего, «под воздействием которого осуществляются преобразования как в макро-, так и в мезо- и микросоциальном плане»³⁴. В применении этого подхода к анализу российских реалий немало достигла О. В. Аксёнова³⁵, и работа в этом направлении продолжается³⁶.

Субъект, актор, находящийся в центре внимания данного подхода, хотя действует в рамках социальных институтов, но при этом руководствуется определёнными личными мотивациями. А эти мотивации далеко не всегда имеют чисто экономический и вообще рационально просчитываемый характер. Они часто связаны с личностными качествами действующего субъекта, его религиозными, политическими, иными убеждениями, которые неизбежно придётся принимать во внимание.

А когда речь заходит о *ценностях* и таких явлениях, как социальное действие – акторство, участие, вообще о любых проявлениях в социальной среде *действующего субъекта*, то решающее значение приобретают аксиологический, психологический, исторический, этнокультурный аспекты. Акторское действие имеет на-

правленность не только рациональную (защита интересов), но, главным образом, ценностно-телеологическую. Оно теснейшим образом связано с ценностными установками, этнокультурными стереотипами и духовно-религиозными убеждениями. А они с трудом вписываются в рамки позитивистской методологии и математических моделей. Там, где присутствует влияние традиций, религии, вообще везде, где «оставила след история», действуют методы, отличные от метода естественных наук и близкого к нему «модельного» метода в науках социальных, что было блестяще показано ещё в работах мыслителей Баденской школы³⁷.

Вне всякого сомнения, место для математических методов всегда остаётся, но, по нашему мнению, они могут носить только прикладной характер, будучи применены для обработки массивов данных.

Но при анализе и обобщении, при выборе самого направления поиска приходится принимать решение в пользу других теоретических концептов. Ибо совмещение позитивистской методологии с ценностно-телеологическим подходом представляется более чем сомнительным. Как указывал один из крупнейших теоретиков науки Г. фон Вригт, «противоположность этих позиций (позитивизма и телеологизма. – К. П.) обнаруживается на столь глубоком уровне, на котором уже невозможно говорить об их примирении или опровержении... Противоположен выбор изначальных, основополагающих понятий концепции. Можно охарактеризовать этот выбор как “экзистенциальный” – это выбор точки зрения, которая не имеет дальнейшего обоснования»³⁸.

И в заключение ещё раз подчеркнём: мы убеждены, что «национальная социология», споры о которой идут уже давно³⁹, необходима не для удовлетворения чувства национальной гордости, а для лучшего познания специфических российских феноменов, не понимая сути которых, мы, как исследователи, будем ошибаться снова и снова, а вслед за нами ошибаться будут и те, кто принимают управленческие решения. Кроме того, и мировая социология станет гораздо богаче, если пополнится новыми теориями, основанными на анализе других, западных, обществ. Выдающийся современный учёный Пётр Штомпка, выступая против деструктивной, по его мнению, тенденции к обособлению научных социологических школ в различных странах, писал: «Для меня выражения “польская социология”, “французская социология”, “бразильская социология” и т. д. имеют лишь административные коннотации, но не более глубокий сущностный смысл. Я за “одну социологию для многих социальных миров”»⁴⁰. Мы абсолютно согласны с уважаемым нами исследователем, но твёрдо убеждены, что такая «социология для многих миров» возможна лишь в перспективе, когда мировая социальная наука вберёт в

себя многочисленные национальные школы, как оформившиеся, так и только зарождающиеся. Мы полагаем, что универсальная социология, основанная исключительно на анализе социального опыта Франции, Германии и США, пользующаяся методологическими инструментами, созданными для изучения именно этих обществ, невозможна. Такая социология будет упускать из поля зрения многие важные элементы реальности и, как следствие, приходиться к ошибочным выводам. Профессиональному сообществу российских социологов, политологов (вообще всех исследователей-гуманитариев), видимо, следовало бы обратить на это внимание.

Хочется надеяться, что данная статья способна послужить некоторым основанием для дискуссии по обозначенной проблематике.

Примечания

- 1 Средний класс в современной России : опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь мир, 2016. С. 344.
- 2 Горшков М. К. Российское общество как оно есть. М. : Новый хронограф, 2011. С. 12.
- 3 Такого рода подходы можно встретить даже в новейших работах. Их авторы словно бы игнорируют все изменения, имевшие место в мире с 2008 г. См. например : *Иноземцев В. Л.* Несовременная страна : Россия в мире XXI века. М. : Альпина Паблишер, 2018.
- 4 См.: *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в современной России : эволюция и деволуция. М. : Фонд «Либеральная миссия» ; Новое литературное обозрение, 2011.
- 5 См.: *Лебедева Н. М., Татарко А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. М. : ИД ГУ-ВШЭ, 2007. С. 66–86.
- 6 См.: *Мастикова Н. С.* Ценности россиян : что следует из сопоставления статистик международных исследований? // Социс. 2013. № 1. С. 36–46.
- 7 См.: *Пивоваров Ю. С.* Русская политика в её историческом и культурном отношении. М. : РОССПЭН, 2006.
- 8 См.: *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М. : Алгоритм, 2011.
- 9 См.: *Кондратьева Е.* Весна в этом году опять русская // Взгляд : деловая газета. 2017. 27 марта. URL: <http://www.vz.ru/opinions/2017/3/27/863649.html> (дата обращения 21.04.2018).
- 10 *Аксёнова О. В.* Парадигма социального действия : профессионалы в российской модернизации. М. : ИС РАН, 2016. С. 22.
- 11 См.: *Актуализированные ценности современного российского общества / отв. ред. И. А. Халий.* М. : ИС РАН, 2015.
- 12 См.: *Аристотель.* Политика. Афинская полития / пер. с др.-греч. М. : Мысль, 1997.
- 13 Более точных данных о её возникновении нет. Восходит она к наследию древневосточной мысли, а когда и кем она была концептуализирована, сказать сложно ввиду исчезновения большого количества аутентичных текстов.

- ¹⁴ Святитель Григорий Палама (1296–1357) – византийский теолог и церковный деятель, систематизатор исихазма. Развил идеи о различии сущности Бога (запредельной и недоступной) и его энергий (самовыявлений), пронизывающих мир и сообщаемых человеку. Учение Григория Паламы в 1351 г. признано официальной доктриной византийской Церкви (См.: Большой энциклопедический словарь. М.: БРЭ; СПб.: Норинт, 2004. С. 312).
- ¹⁵ См.: Православная энциклопедия / ред. Алексий II (Ридигер А. М., патриарх). Т. 13. М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2006. С. 10–16.
- ¹⁶ Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой; пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. С. 97.
- ¹⁷ См.: Бергсон А. Философская интуиция // Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. М.: РОССПЭН, 2010. С. 164–180.
- ¹⁸ См.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека: пер. с фр. М.: АСТ; Астрель, 2012.
- ¹⁹ См.: Пригожин И. Р., Стенгерс И. Указ. соч. С. 96–102.
- ²⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. М.: Наука, 1986. С. 88.
- ²¹ См.: Дарендорф Р. Куда держат путь социальные науки // Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе: пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1998. С. 115–118.
- ²² Collins R. Sociology: prescience or antiscience? // American Sociological Review. 1989. Feb. Vol. 54. P. 127.
- ²³ См.: Шубкин В. Н. Пределы // Новый мир. 1978. № 2. С. 187–217.
- ²⁴ См.: Талей Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колibri; Азбука-Аттикус, 2016.
- ²⁵ Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы / под ред. Э. Ю. Майковой. Тверь: ТвГТУ, 2016. С. 7–8.
- ²⁶ См.: Тоценко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 15.
- ²⁷ Там же. С. 23–24.
- ²⁸ Там же. С. 30.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. С. 32.
- ³¹ Бергсон А. Указ. соч. С. 178.
- ³² См.: Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический Проект, 2009.
- ³³ См.: Тоценко Ж. Т. Указ. соч. С. 35.
- ³⁴ Там же. С. 34.
- ³⁵ См.: Аксёнова О. В. Указ. соч.
- ³⁶ В частности, исследования о роли акторов в развитии российских локальных сообществ проводились в последние годы в ЦСОНК ФНИСЦ РАН (См. официальный сайт ФНИСЦ РАН – <http://www.isras.ru/Cessc.html>).
- ³⁷ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–129.
- ³⁸ Вригт Г. Х. фон. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды: пер. с англ. / общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнов; сост. и автор предисл. В. А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986. С. 68.
- ³⁹ См.: Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии // Социс. 2012. № 4. С. 5–7; Радаев В. В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? // Вехи российской социологии: 1950–2000-е годы / отв. ред. Ж. Т. Тоценко, Н. В. Романовский. СПб.: Алетея, 2010. С. 507–521.
- ⁴⁰ Штомпка П. «Позитивистский» манифест // Социс. 2015. № 2. С. 39.

Образец для цитирования:

Подъячев К. В. Изучение особенностей социального развития России и гносеологические парадигмы: к вопросу о методологическом базисе современных социологических исследований // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 366–372. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>

Cite this article as:

Podyachev K. V. Studying Russian Social Development Peculiarities and Gnoseological Paradigms: On the Problem of Methodology Basis of Contemporary Sociological Investigations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 366–372 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-366-372>